

А. С. ПУШКИН И Н. В. ГОГОЛЬ КАК ПРЕДЕЛЫ БЫТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАНИИЛА ХАРМСА

Ревяков И.С.

Донецкий национальный университет

Донецк

E-mail: revyakov@yandex.ru

В статье рассматриваются онтологические аспекты воплощения поэта в качестве героя художественной действительности литературного произведения на материале двух произведений Даниила Хармса, а именно: «Пушкин и Гоголь» и «О Пушкине», в которых А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь выступают в качестве их героев. Пушкин и Гоголь, реализуясь в форме поэтонимов в произведениях Д. Хармса, утверждают и, тем самым, фиксируют бытие друг друга через взаимное столкновение, выступая препятствиями и, тем самым, пределами бытия друг друга, выйти за которые уже невозможно.

Ключевые слова: художественная действительность, герой, бытие, поэтонимы, произведение.

A.S. PUSHKIN AND N.V. GOGOL AS THE LIMITS OF EXISTENCE IN THE ARTISTIC REALITY OF WORKS BY DANIIL KHARMS

Revyakov I. S.

The article deals with the ontological aspects of the poet's embodiment as a hero of the poetic reality of a literary work on the material of two works by Daniil Kharms, namely: "Pushkin and Gogol" and "about Pushkin", in which A.S. Pushkin and N.V. Gogol act as their heroes. Pushkin and Gogol, being realized in the form of poetic names in the works of D. Kharms, assert and, thus, fix the existence of each other through mutual collision, acting as obstacles and, thus, beyond the existence of each other, beyond which it is no longer possible.

Keywords: poetic reality, hero, existence, poetic names, work.

Целью данной статьи является анализ образов А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя с точки зрения функционирования их в качестве героев и, соответственно, поэтонимов в художественной действительности произведений Даниила Хармса.

Предметом нашего исследования является творчество Д. Хармса, а собственно эмпирическую базу работы составляют два текста Д. Хармса: «Пушкин и Гоголь» (1934 г.) и «О Пушкине» (1936 г.), в которых А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь выступают в качестве героев данных произведений.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к разворачиванию заявленной темы, необходимо, на наш взгляд, сделать ряд предварительных замечаний.

Во-первых, в своих рассуждениях мы исходим из положения В.В. Федорова о том, что «Пушкин из субъекта телесного (жизненного) существования, претерпев несколько промежуточных состояний, становится

субъектом словесного бытия, т.е. человеком в высшей форме его существования» [13, с.60; 15, с.93].

Во-вторых, будучи поэтом, как «субъектом словесного бытия», А.С. Пушкин сам обозначает себя в качестве поэтонима в собственной художественной действительности (например, «Воображаемый разговор с Александром I» [12, с.51-52.].

В-третьих, одним из первых, кто воплощает А.С. Пушкина в качестве поэтонима, но уже не в его, а в своей художественной действительности, является Н.В. Гоголь, у которого А.С. Пушкин появляется как герой рассказа И.А. Хлестакова: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» – «Да так, брат», отвечает бывало: «так как-то все»... Большой оригинал» [6, с.48].

В-четвертых, А.С. Пушкин, помимо поэтонима, в русском речевом пространстве осуществляется также и в качестве коннотативного онима в следующих значениях, а именно: 1) «неопределенно, неизвестно кто; кто-то, кто-то другой» и «никто» [9, с.290]; 2) «кудрявый человек» [9, с.292]; 3) «умный» [9, с.292].

В-пятых, исходя из того, что А.С. Пушкин в качестве коннотативного онима осуществляется, среди всего прочего, в значении «никто», то, следовательно, можем предположить, что А.С. Пушкин является выражением чистого бытия, поскольку, согласно Г.В.Ф. Гегелю, «Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто» [4, с.69].

В-шестых, таким образом, выходит, что настоящий поэт является воплощением бытия. Следовательно, когда поэт начинает осуществляться в качестве поэтонима в некоем художественном тексте, то в действительности через поэта осуществляется и, тем самым, проговаривает себя само бытие.

В-седьмых, исходя из вышесказанного, мы можем говорить о художественном произведении как о космосе, но ведь и космос, в свою очередь, может рассматриваться как поэтическое произведение, исходя из следующих моментов, а именно:

1) из положения В.В. Федорова «о «словесности» как коренном качестве мироздания (Космоса). Все разнообразие форм существования есть разнообразие проявления упомянутого качества. Слово есть внутренняя форма *всех* существований» [14, с.311];

2) слово «космос» древнегреческого происхождения, и, следовательно, именно в древнегреческом языке мы должны искать его изначальное значение: слово «космос», как известно, происходит от древнегреческого глагола «космео», который имел несколько значений, а именно: 1) «украшать»; 2) «приводить в порядок, устраивать; готовить»; 3) «ставить в строй, строить, расставлять войско»; 4) «почитать, особенно мертвых» [3, стлб.724-725]. Таким образом, можем предположить, что изначально, само по себе, слово «космос» значит «украшение, приведенное в порядок, приготовленное в виде строя и связанное с почитанием мертвых»;

3) древнегреческому слову «космос» в русском языке по своему смысловому наполнению наиболее близки слова: «порядок», «чин», «устройство», «красота», «лепота» [10, с.315];

4) как понятие древнегреческой философии, слово «космос» означало «представление о природном мире как о пластически упорядоченном гармоническом целом», которое противопоставлялось древними греками хаосу [10, с.315], то есть «докосмическому состоянию, зияющей пра-бездне», «неупорядоченному первовеществу» [2, с.291];

5) обратим внимание на то, что, с одной стороны, космос противопоставляется хаосу, а, с другой стороны, выступает в роли его наследника, будучи при этом, его украшением. Таким образом, космос, будучи упорядочиванием (или украшением) хаоса, оказывается, так сказать, его убийцей, поскольку упорядочивая неупорядоченное, он, тем самым, уничтожает это неупорядоченное первовещество. Таким образом, космос оказывается первым в истории убийцей первоначала;

6) уничтожая «пра-бездну», космос, тем самым, вносит в бытие основание (ибо бездна, будучи без дна, никакого основания в самой себе не имеет) и о-граничивает его в качестве собственно миро-здания, становясь собственно самим собой, то есть, по словам А. Ф. Лосева, «*вещью*, устроенную *числом* и явленную в своем *имени*» [8, с.67];

7) таким образом, можем говорить о том, что космос есть прежде всего некая вещь. А что такое вещь? Вещь, согласно М. Хайдеггеру, – это то, что «дает пребыть собранию четверых – земле и небу, божествам и смертным – в одно-сложности их собою самой единой четверицы» [16, с.323], то есть вещь в своем глубинном онтологическом смысле – это то, что удерживает в себе мир;

8) по словам Н. С. Гумилева, «Среди многочисленных формул, определяющих существо поэзии, выделяются две, предложенные поэтами же, задумывавшимися над тайнами своего ремесла. Формула Кольриджа гласит: «Поэзия есть лучшие слова в лучшем порядке». И формула Теодора де Банвиля: «Поэзия есть то, что сотворено и, следовательно, не нуждается в переделке». Обе эти формулы основаны на особенно ясном ощущении законов, по которым слова влияют на наше сознание. Поэтом является тот, кто учтет все законы, управляющие комплексом взятых им слов» [7, с.240]: обратим внимание на то, что оба определения поэзии, приведенные Н. С. Гумилевым, не противоречат друг другу, а, по сути дела, дополняют друг друга, говоря о поэзии как о сотворенном правильном и совершенном строе лучших слов, то есть, как о Космосе;

9) таким образом, поэзия есть некое изделие, и, в этом смысле, вещь, при этом, вещь, явленная именно в порядке слов, а порядок определяется числовыми закономерностями;

10) у изделия должен быть тот, кто его изготовил, тот, кто его сделал. И таким «делателем» является поэт: само это слово, в переводе с

древнегреческого, значит «делатель», «изготовитель», «творец», «создатель», «изобретатель», и при этом же «стихотворец» [3, стлб. 1018].

Сама же поэзия, таким образом, оказывается процессом сотворения. Превращение неупорядоченной пра-бездны в миро-здание, таким образом, оказывается своего рода собственно поэтическим актом.

В качестве примера обратимся к одному из ранних стихотворений М. Хайдеггера (перевод наш. – И.Р.):

Wir wollen warten	Мы будем ждать
Vorm Tor zum Frühlingsgarten	У ворот перед весенним садом
wollen wir horchend warten,	мы будем, прислушиваясь, ждать,
bis die Lerchen steigen,	когда жаворонки вострепнут,
bis Lieder und Geigen,	когда песни и скрипки,
das Murmeln der Quellen,	журчанье родников,
die silberhellen	серебряно-ясные
Glocken der Herden	колокола паствы
zum Weltchoral der Freude werden.	станут всемирным хоралом радости.

[22, s.6].

«Всемирный хорал радости», о котором говорит М. Хайдеггер, – это идеальное событие гармонии, событие упорядочивания мира, событие, «когда мир станет миром, когда целый мир, спокойное согласие, сбудется» [1, с.467], то есть событие восстановления утраченной гармонии, утраченного вселенского созвучия, всемирной согласованности.

По словам В.В. Библихина, данное стихотворение, «похожее отчасти на литургическую формулу, можно считать комментарием ко всему позднему Хайдеггеру... Как в этом раннем стихотворении, так и до конца: все присутствие Хайдеггера в мире – это торжественное предпраздничное ожидание события, которое всегда сначала событие мира» [1, с.467].

С точки зрения М. Хайдеггера, «отъятие мира и распадение мира необратимы. Творения уже не те, какими они были. Правда, они встречаются с нами, но встречаются как бывшие творения. Бывшие творения, они предстают перед нами, находясь в области традиции и в области сохранения» [17, с.135] и именно «бытию творения принадлежит восстановление мира» [17, с.147].

Именно подлинный поэт, по утверждению М. Хайдеггера, «видит приход того, что должно высказать его слово, – приход святого» [18, с.217], а святое «которое “времен древнее” и “богов превыше”, обосновывает своим приходом какое-то другое начало какой-то другой истории. Святое начально и наперед решает в отношении людей и богов, есть ли они, и кто они, и когда они, и как» [18, с.159].

По словам Платона, «все, что вызывает переход из небытия в бытие – творчество» [11, с.115] (для сравнения приведем истолковывающий перевод данного фрагмента М. Хайдеггера: «Всякий по-вод для перехода и выхода чего бы то ни было из несуществования к присутствию есть ποιησις,

произведение» [16, с.224], а произведение – это прежде всего «про-из-ведение истины в красоту» [16, с.237].

Таким образом, космос оказывается про-из-ведением истины хаоса как первоначала, как архэ, в красоту, являясь, таким образом, собственно поэтическим произведением в самом что ни на есть прямом смысле этого слова, вот именно поэтому настоящая поэзия всегда вещественна, поскольку она космична, и именно поэтому, как утверждал Даниил Хармс, «стихи надо писать так, что если бросить стихотворением в окно, то стекло разобьется» [19, с.170], а поэтическое произведение, в свою очередь, оказывается воплощением космоса как его про-явлением, то есть не просто воплощением, а воплощением в качестве наличного феномена, что обнаруживается, в частности, при внимательном прочтении произведения Д. Хармса «Пушкин и Гоголь»: «Г о г о л ь *(падает из-за кулис на сцену и смирно лежит)* .

Пуш к и н *(выходит, спотыкается об Гоголя и падает)*: Вот черт! Никак об Гоголя!

Г о г о л ь *(поднимаясь)*: Мерзопакость какая! Отдохнуть не дадут. *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает)* – Никак, об Пушкина спотыкнулся!

Пуш к и н *(поднимаясь)*: Ни минуты покоя! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает)* – Вот черт! Никак, опять об Гоголя!

Г о г о л ь *(поднимаясь)*: Вечно во всем помеха! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает)* – Вот мерзопакость! Опять об Пушкина!

Пуш к и н *(поднимаясь)*: Хулиганство! Сплошное хулиганство! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает)* – Вот черт! Опять об Гоголя!

Г о г о л ь *(поднимаясь)*: Это издевательство сплошное! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает)* – Опять об Пушкина!

Пуш к и н *(поднимаясь)*: Вот черт! Истинно, что черт! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает)* – Об Гоголя!

Г о г о л ь *(поднимаясь)*: Мерзопакость! *(Идет, спотыкается об Пушкина и падает)* – Об Пушкина!

Пуш к и н *(поднимаясь)*: Вот черт! *(Идет, спотыкается об Гоголя и падает за кулисы)* – Об Гоголя!

Г о г о л ь *(поднимаясь)*: Мерзопакость! *(Уходит за кулисы)*.

За сценой слышен голос Гоголя: «Об Пушкина!»

Занавес» [21, с. 333].

Первое, что обращает на себя внимание в данной драматической сценке – это то, что Пушкин и Гоголь, как герои произведения, оказываются препятствиями по отношению друг к другу. В этой связи вспомним о том, что, согласно Д. Хармсу, «основу существования составляют три элемента: это, препятствие и то» [20, с.31], именно поэтому Пушкин и Гоголь в данном произведении выступают как препятствия по отношению друг к другу, будучи онтологически разделены друг с другом, в связи с чем не могут вступить в диалог друг с другом, поскольку препятствие здесь выступает в качестве абсолютного предела, преодолеть который самостоятельно

невозможно. Согласно наблюдениям А.Г. Герасимовой, «творчество Хармса – своеобразный эксперимент по установлению пределов» [5, с.142], а в рассматриваемом нами тексте Пушкин и Гоголь как раз и оказываются пределами друг друга. Но при этом, высказываясь, они фиксируют наличие друг друга, утверждая, тем самым, бытие друг друга. При таком подходе становится очевидным, что кажущаяся на первый взгляд монологичность данной драматической сценки на глубинном содержательном уровне оборачивается онтологическим диалогизмом. Обратим внимание также на то, что рассматриваемая нами сценка начинается с падения Гоголя и завершается им же. Композиция данной сценки выстроена от зримого падения Гоголя до его невидимого падения, что дает возможность утверждать ему своим падением бытие Пушкина.

Обратимся теперь к тексту Д. Хармса «О Пушкине»: «Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нем не знает. Пушкин великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь».

А потому, вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.

Хотя Гоголь так велик, что о нем и написать-то ничего нельзя, поэтому я буду все-таки писать о Пушкине.

Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу» [21, с.113].

Как видим, в данном тексте также происходит столкновение Пушкина и Гоголя, в результате которого утверждается их бытие как поэтов. При этом отметим, что в данном тексте Пушкин упоминается 10 раз, а Гоголь – 5 раз, то есть в два раза меньше, что позволяет также говорить об их столкновении.

Таким образом, Пушкин и Гоголь, реализуясь в форме поэтонимов в произведениях Д. Хармса, утверждают и, тем самым, фиксируют бытие друг друга через взаимное столкновение, выступая препятствиями и, тем самым, пределами бытия друг друга, выйти за которые уже невозможно, что не может не внушать надежды, поскольку, если Пушкин и Гоголь являются пределами бытия, то такое бытие является поэтическим, а, значит, истинно творящим, то есть созидательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. – 536 с.
2. Бородай Т.Ю. Хаос // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.IV: Т – Я. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. – С. 291.
3. Вейсман А. Д. Греческо- русский словарь: Репринт 5-го издания 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. – VIII, 685 (693) с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 2002. – 800 с.

5. Герасимова А.Г. Проблема смешного: Вокруг ОБЭРИУ и не только. – М.: Пробел-2000, 2018. – 416 с.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – Т.4. Ревизор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 552 с.
7. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – М.: Воскресенье, 2006. – 552 с.
8. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – 958 с.
9. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
10. Павленко А.Н. Космос // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. — С. 315 – 316.
11. Платон. Федон. Пир. Федр. Парменид / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1999. – 528 с.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. – Т.8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Моро де Бразе. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1978. – 415 с.
13. Федоров В.В. Мир как слово. – Донецк: Норд-Пресс, 2008. – 122 с.
14. Федоров В.В. Проблемы поэтического бытия. – Донецк: ДонНУ, 2008. – 492 с.
15. Федоров В.В. Три шедевра Пушкина. – Донецк: ДонНУ – Норд-Пресс, 2006. – 144 с.
16. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибикина. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
17. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Академический Проект, 2008. – 528 с.
18. Хайдеггер М. Разъяснения к поэзии Гельдерлина / Пер. с нем. Г. Б. Ноткина. – СПб.: Академический проект, 2003. – 320 с.
19. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2. – СПб.: Академический проект, 2002. – 416 с.
20. Хармс Д.И. Неизданный Хармс. Полное собрание сочинений. Трактаты и статьи. Письма. Дополнения: не вошедшее в т. 1 – 3. – СПб.: Академический проект, 2001. – 320 с.
21. Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Том 2: Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное. – СПб.: Академический проект, 1997. – 504 с.
22. Heidegger M. Aus der Erfahrung des Denkens. Gesamtausgabe. Bd. 13. / Hrsg.: Hermann Heidegger. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1983. – VIII, 254 (262) s.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Ревяков Иван Сергеевич, старший преподаватель кафедры мировой и отечественной культуры

Донецк

E-mail: revyakov@yandex.ru